

ниях является, по мнению Стендер-Петерсена, то, что официальные государственные или церковные тенденции проводятся в них индивидуально. К сожалению, это положение осталось неразвернутым Стендер-Петерсеном при конкретном анализе произведений. Исключая публицистику как таковую из истории русской литературы, он не отмечает агитационного публицистического характера произведений «Смутного времени», определенной политической тенденции каждого из них. В анализе Стендер-Петерсена не нашли своего отражения очень интересные особенности произведений «Смутного времени»: характеристики царей, стремление увидеть в одном человеке и плохие и хорошие черты, попытка объяснить причины смуты не только наказанием за грехи, но и трактовка этих грехов как грехов гражданских — знаменитое «всега мира безумное молчание» Авраамия Палицына, «бессловесное молчание» дьяка Ивана Тимофеева.

Произведения, обсуждающие события «Смутного времени», делятся Стендер-Петерсеном не по времени их написания, не на современные «Смуте» и написанные уже после ее окончания, а на произведения авторов духовных и светских. Стендер-Петерсен отмечает постепенный переход литературной работы из духовных рук в светские. Нам, однако, такое деление кажется мало обоснованным автором. Остается непонятным, каковы же принципиальные отличия, например, «Словес дней и царей» Хворостинина от «Сказания» Авраамия Палицына, так как специфических особенностей светских произведений Стендер-Петерсен не указывает. Такое деление выглядит еще менее убедительным из-за отнесения к духовным произведениям «Временника» дьяка Ивана Тимофеева — несомненно автора светского.⁹ В то же время не упомянуты автором явно церковные произведения, написанные в жанре «видений».

Произведения «Смутного времени» приведены Стендер-Петерсеном в его «Истории русской литературы» неполно. Не получила отражения официальная линия литературы, представленная для этого времени Грамотой Утвержденной и Новым летописцем,¹⁰ а также и неофициальная, а возможно, и враждебная первой линии, представленная такими произведениями, как «Новая повесть о преславном Российском царстве», написанная в стиле «подметного письма», и сатирическими стихами «Послание дворянина к дворянину». Все эти произведения не включены Стендер-Петерсеном в репертуар литературы XVII в.

Одностороннее и неполное освещение получил у Стендер-Петерсена и анализ творчества одного из значительнейших писателей второй половины XVII в. — протопопа Аввакума. Автор отмечает его активную враждебность по отношению к новому ученому духу и иностранному красноречию, считает его автобиографическое «Житие» последним значительным произведением русской агиографии. Однако анализ этого «Жития» приводит Стендер-Петерсена к противоречию с принятой им самим схемой развития русской литературы в XVII в. Ярого противника «европеизма», «знаменосца традиций» Аввакума он признает новатором в литературе, носителем нового стиля прозы. По мнению Стендер-Петерсена, творчество Аввакума с характерным для него противоречием между старыми идеями и новым способом их выражения говорит о том, что старой Руси приходит конец и на смену ей идет новая Русь. В связи с этим возникает вопрос: так ли

⁹ Временник Ивана Тимофеева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 352.

¹⁰ Б. М. Боровский. История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 45—47 (автор называет Грамоту Утвержденную «Повестью о Романовых»); Л. В. Черепнин. Смута в историографии XVII в. — ИЗ, 1945, т. 14, стр. 80—128.